
ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

РЕЖИМ «НАПРАВЛЯЕМОЙ ДЕМОКРАТИИ» КАК РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ О СОЦИОДЕМОКРАТИИ. К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПЦИИ «ТРЕТЬЕГО ПУТИ» В ИНДОНЕЗИИ¹

С.А. Воронин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

Автор статьи раскрывает основные положения идеологии «третьего пути» в рамках индонезийской модели политического лидерства. К концу 50-х г. Сукарно завершил формирование доктрины «третьего пути». Анализируя действующие политические модели, Сукарно апеллировал к самобытности, отвергая капитализм, который порождает колониализм и фашизм. Он отвергал саму психологическую основу либерального капитализма – индивидуализм, ведущий к конкуренции и борьбе и поэтому неприемлемый для Индонезии. Концепция «третьего пути» Сукарно подразумевала построение социально-экономической модели традиционного, патриархально-эгалитарного общества, в основе которого лежали принципы общинной солидарности и взаимопомощи. Основным элементом социальной модели, согласно мысли Сукарно, являлась семья как центр солидаризма, возглавляемая патриархом, главой семьи. Принцип семьи был перенесен Сукарно на все индонезийское общество. Сам Сукарно становился отцом нации, принимающим решения за всех, во имя всех.

Ключевые слова: Сукарно, концепция «третьего пути», Индонезия, солидаризм, политическое лидерство

Последним всплеском плюрализма в политической системе Индонезии стал отказ ряда крупных партий проголосовать за принятие проекта бюджета. 5 марта 1960 г. Сукарно распустил парламент и объявил о формировании «парламента сотрудничества», в котором было 261 место, из которых 130 при-

¹ Продолжение. Начало см. Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. – 2016. – № 3. – С. 7–18.

надлежало 9 политически партиям, 131 отдавалось 21 «функциональной группе» [1. С. 274], в том числе и вооруженным силам. Уже в этот период армия начинает открыто претендовать на политическую и экономическую автономию в стране. Генерал А. Насутион выдвигает концепцию «самостоятельной социальной функции армии» [2].

16 августа 1960 г. Сукарно распустил Машуми и Социалистическую партию, обвинив их лидеров в том, что они не осудили организаторов мятежей, направленных против правительства [3. С. 201–202]. Статус соответствия партии конституционным нормам всецело зависел от субъективной оценки президента, ставшего вершиной военно-гражданского бюрократического аппарата. В этом, по мнению А.Ю. Другова, «органическая слабость режима личной власти вообще и сукарновского, в частности, всевластие лидера становится всевластием аппарата» [4. С. 86].

В рамках одновременного развития концепции «третьего пути», поиска индонезийской самобытной модели развития и дальнейшего движения по пути усиления авторитарного лидерства Сукарно выдвинул в качестве основы для компромисса всех действующих политических сил доктрину НАСАКОМ, предполагающую сотрудничество трех ведущих общественных течений – националистического (NASionalis), религиозного (Agama) и коммунистического (KOMunis). Рождение очередного акронима преподносилось как путь к решению проблем индонезийского общества на основе компромисса всех сил под всепримиряющим лидерством правителя. Сукарно активно внедрял в массовое сознание индонезийцев тезис о том, что нет различных интересов, а есть разные пути решения проблем и разные подходы, но единый интерес. Значит, необходимо с помощью процедур «мушаварах» и «муфакат» выработать компромиссное коллективное решение под его руководством как отца семьи индонезийских этносов и вождя нации [3. С. 203].

Критически оценивая концепцию НАСАКОМ, Б. Андерсон видит ее абсолютное соответствие духу и традициям яванской политической культуры. Он полагает, что в основе этой доктрины Сукарно лежал не столько призыв к сотрудничеству и компромиссу различных политических сил, сколько идея их подчинения одной точке властного центра, т.е. режиму личной власти президента [5. С. 15].

В результате социально-экономических экспериментов в стране родилась модель «индонезийского социализма» как продолжение формирования концепции «третьего пути», суть которой выразил сам индонезийский лидер в виде политического «кулинарного» рецепта: «Наш социализм – это смесь. Мы берем политическое равенство из американской Декларации независимости. У ислама и христианства мы заимствуем духовное равенство. Научно обоснованному равенству мы учимся у Маркса. Ко всему этому мы добавляем индонезийскую самобытность – мархаэнизм. Все это мы посыпаем готонг-ройонгом... Смешайте все это и в результате вы получите индонезийский социализм» [6. Р. 75].

В целом, концепция «направляемой демократии» базировалась на следующих источниках. Центром идеологических реминисценций являлись принципы Панча сила, из которых логически следовала теория «индонезийского социализма»; радикально-националистического учения о «простом человеке» – мархаэнизме и доктрины НАСАКОМ, базирующейся на идее единства основных сил общества. Концептуальные постулаты теории воплощались на практике посредством стратификационной доктрины «функциональных групп» и призыва к возврату Конституции 1945 г. [7. С. 228].

Таковы основные элементы доктрины «направляемой демократии», отличительной чертой которой становится симбиоз неотрадиционализма и сверхреволюционности. Сукарно пытался с помощью использования акронимов и апелляции к индонезийской патриархальности сформировать у общества иллюзию стремительного прогрессивного развития сугубо по индонезийскому пути [8. С. 26].

Индонезийский лидер сознательно пытался уйти от решения конкретных социально-экономических задач в сферу революционной фразеологии, видимо, наивно надеясь на то, что экономические проблемы можно решить путем концентрации властной энергии.

Выдвинув в теории и реализовав на практике концепцию «направляемой демократии», Сукарно повысил свой властный авторитет и увеличил лидерский потенциал, но не нашел рецепт выхода из кризиса в стране. Сохранение единства и концепция сотрудничества, построенные на имущественном равенстве и общности интересов всех стратификационных групп архипелага, приходили в противоречие с задачами экономического развития. Выдвижение программы социально-экономического развития (а не очередного магического акронима в идеологической сфере) неизбежно институировало имущественные противоречия, ставя под сомнение всю концепцию единства нации, т.е. первооснову индонезийского режима. Сукарно интуитивно прилагал усилия к тому, чтобы остановить, замедлить процесс социальной дифференциации, но наряду с этим не осуществлял никаких мер для борьбы с колоссальной коррупцией [9. С. 93]. В этом видится очередное следование режима Сукарно традициям яванской культуры, когда власть является источником личного благосостояния.

Массовое сознание поощряет вектор от обладания властью к богатству, а не наоборот. Финансовая, предпринимательская деятельность всегда осуждалась в Индонезии.

А тем временем в экономике накапливались серьезные проблемы. Для лидерства Сукарно характерны противоречия, взаимоисключающие взгляды и концепции. Однако вряд ли это свидетельство отсутствия логики или непоследовательности в принятии решений индонезийским лидером. Трагедией лидерства Сукарно являлась инстинктивная попытка создать симбиоз модернизации и традиционализма. На всех этапах развития индонезийского общества он следовал первостепенным задачам развития и сохранения един-

ства. В основе его противоречивых оценок в сфере экономического развития лежал примат цели над средством, приоритет идеологии над экономикой. Он называл себя революционным экономистом и неспециалистом в области экономики [10. С. 310]. Вот характерный пример его противоречивых высказываний и оценок. В речи, посвященной 10-летию независимости, 17 августа 1955 г., говоря о приоритетах развития, Сукарно заявлял: «Индустриализация является единственным путем для увеличения благосостояния общества и государства..., индустриализация – это вопрос жизни и смерти для индонезийского народа» [10. С. 310–311]. В 1964 г. его оценка меняется на противоположную (хотя экономические проблемы требовали еще более пристального внимания). В это время он бравирует тем, что экономические проблемы в стране не являются первоочередными. Он заявлял: «Премьер-министр одного государства как-то задал мне вопрос: “Как ваша страна существует, когда у вас нет развитой промышленности?..” Как глуп этот человек! Он полагает, что существование нации зависит от уровня развития промышленности страны. Нет, сэр! Жизнь нации зависит от осознания свободы этой нации. Жизнь революции зависит от революционного сознания нации, совершающей революцию. Не от промышленности... не от асфальтированных дорог» [11]. Эволюция взглядов Сукарно на экономическое развитие с середины 50-х по середину 60-х г. свидетельствовала о его выборе курса на укрепление бюрократического капитала в Индонезии и сворачивании курса экономического либерализма.

Сукарно не мог не замечать негативных тенденций, сопровождающих либеральный экономический курс в 50-е гг., который привел к росту патернализма, местничества, регионализма и этнократии. Сформировался слой общества, для которого либеральный экономический курс стал путем к личному благосостоянию – кабиры (капиталисты-бюрократы) [12. С. 105].

Все права и ресурсы были сконцентрированы в руках Сукарно и узкой группы придворных бюрократов. По замечанию Л.Б. Алаева, «в истории Востока наблюдались краткие периоды такой концентрации, но подобная система неустойчива, поскольку ее социальная база крайне узка» [13. С. 210]. Она стремительно трансформируется в иную систему, когда бюрократия начинает обслуживать исключительно свои интересы. Приоритетом становятся не интересы государства, а каждого функционера в отдельности. Вновь созданную иерархию начинают раздирать противоречия индивидуальных интересов. Образуются патронаты, враждующие между собой, претендующие на долю в совокупных бюрократических доходах [13. С. 210].

Экономическую модель Индонезии при Сукарно можно назвать номенклатурным капитализмом.

В экономике страны в середине – конце 50-х значительную роль играл иностранный капитал, 2/3 которого составляли активы Нидерландов, оценивавшиеся в 1,5 млрд долл. [14].

Курс «направляемой демократии» сначала вызвал массовое недовольство среди кабиров. Однако уже вскоре они поняли, что глобальных изменений в экономике не произойдет. Более того, новый курс открывал для них перспективы еще большего обогащения.

В конце 50-х – начале 60-х гг. Сукарно не вносил кардинальных изменений в отношении деятельности в стране иностранных нефтяных компаний. В 1963 г. появился закон об изменении правовых основ их деятельности. Объемы нефтедобычи теперь должны были согласовываться с правительством Индонезии. Прибыль распределялась в пропорции 60:40 после уплаты налогов в пользу индонезийского правительства. Иностранные компании переводились на систему контрактов, концессии заменялись договорами [12. С. 113].

Национализация открывала перспективы к новому витку обогащения представителей бюрократического капитала. Одной из насущных задач стало проведение аграрной реформы. В 1960 г. ВНКК принял документ «Об основных направлениях развития», в котором утверждалось, что развитию производительных и созидательных сил в сельском хозяйстве, с которым связано 75% населения, мешают пережитки феодализма [15. С. 187]. В 1960 г. был принят Закон № 5 (Основной аграрный закон), который закрепил за государством право основного владельца и распорядителя земель, что также усилило позиции административно-чиновничьего капитала. Сукарно, представляя проект аграрного закона парламенту, подчеркивал: «Не следует думать, что аграрная реформа, которую мы собираемся проводить, “коммунистическая”... Мы считаем, что владение землей – это социальная функция. При этом права государства и общественных организаций выше права частной собственности» [15. С. 187].

В 50-е гг. промышленность Индонезии находилась в состоянии хронического падения темпов развития. Внешний долг в период с 1945 г. по 1966 г. составлял 2,2 млрд долл. [16. Р. 18–19]. Подобная ситуация сложилась в стране, обладавшей значительными природными ресурсами. Как справедливо пишет В.Я. Архипов: «Трудно найти другую экономически слаборазвитую страну, обладающую, как Индонезия, столь значительными потенциальными возможностями, экономика которых находилась бы в таком плачевном положении» [17. С. 108].

Причина такого состояния дел лежала скорее в политической, нежели экономической сфере. В конце 50-х – начале 60-х гг. происходил рост и укрепление мощной силы, формирование которой происходило и ранее – военной и гражданской бюрократии. Частный бизнес не имел возможности развиваться в таких условиях. Конкуренция с государством неизбежно вела к поражению. Новая бюрократическая бизнес-элита формировалась из представителей военного и административного аппарата в ходе продаж квот и преференций, в результате спекуляций, проводимых с использованием служебного положения. Представители этих кругов не испытывали заинтересо-

ванности в эффективном использовании средств бюджета в расширении и развитии производства. Напротив, их дальнейшее финансовое благополучие напрямую зависело от сохранения обстановки хозяйственного хаоса. Отсюда, по мнению А.Ю. Другова и А.Б. Резникова, «в значительной степени и проистекало то пренебрежительное отношение индонезийского правительства к экономическим вопросам, которое порой объясняли “некомпетентностью Сукарно” [18. С. 20]. К весьма неоднозначным результатам привело в экономике использование базового принципа «направляемой демократии» – принципа «готонг-ройонг».

Принцип социального консенсуса, сотрудничества всех слоев, отсутствия классовых противоречий, декларируемый индонезийским лидером в теории, на практике демонстрировал полную несостоятельность. В рамках единства нации и предприниматели, и помещики, и рабочие, и крестьяне были индонезийцами, т.е. входили в состав одной большой патриархальной общины. Но интересы представителей этих слоев были прямопротивоположными и не содействовали их сотрудничеству в рамках сукарновской политической модели. Предлагаемая им политическая модель, хотя и соответствовала менталитету традиционного социума, уже являлась историческим реликтом. Устойчивость традиционных структур стремительно размывалась и видоизменялась. Как верно заметила Л.Ф. Пахомова, на этом этапе развития индонезийского общества «потенциал могущества самобытности ослабевал. Различные общины... хранили свою самобытность, которая позволяла строить сообщества на традиционных ценностях... Вместе с тем община как носитель перемен практически исчерпала свой потенциал» [15. С. 117–118].

Деятельность кабиров в годы «направляемой демократии» имела для страны и для судьбы самого Сукарно катастрофические последствия. ВВП на душу населения в 1957 г. составил 131 долл., в 1961 – 83 долл. Государственный бюджет в 60-е гг. планировался с огромным дефицитом: 1963 г. – 139 млрд рупий, 1964 – 335 млрд рупий, 1965 г. – 1527 млрд рупий. Резко выросла стоимость жизни. Если период с марта 1957 г. по февраль 1957 г. взять за 100, то к концу 1965 г. индекс стоимости жизни увеличился в 360 раз. Рост инфляции составил 650% [19. С. 30–33].

Пытаясь зафиксировать статус-кво со всеми слоями общества, закрывая глаза на растущие экономические диспропорции во имя эфемерного согласия и сотрудничества, Сукарно с увлечением отдался декорированию своего авторитарно-патриархального лидерства режима сакрального авторитаризма. К началу 60-х гг. Сукарно ликвидировал в политической системе страны все элементы, претендующие на самостоятельность. Все политические деятели и партии рассматривались Сукарно через призму своего величия и являлись продолжением божественной секты, которую он излучал. Это стало началом конца лидерства Сукарно. Личность индонезийского президента стала точкой концентрации политической власти в стране. Вокруг лидера сформировалась когорта безликих деятелей, цементирующих одиночное плавание

во власть Сукарно. «Орел» остался в гордом одиночестве, что и привело к печальному финалу его лидерства. Вокруг пьедестала, на который вознесся Сукарно, воцарилось безмолвие. Лидер все более отдалялся от народа. Хотя внешняя атрибутика почитания сохранилась. Его выступления по-прежнему собирали стадионы и вызывали восторг толпы.

Он по-прежнему пытался убедить индонезийцев в том, что они строят «золотой мост» к благосостоянию, что они живут в великое время, в великой стране, в великую эпоху, что они имеют великого лидера. Не будучи в силах дать своему народу материальное благополучие, он предлагал эрзац величия в виде поступательного движения от одной эфемерной идеологеммы к другой. Магические акронимы молниеносно сменяли друг друга. Казалось, стоит произнести волшебную формулу, и свет в конце тоннеля будет виден.

Люди по-прежнему видели в Сукарно Рату Адиля, мессию, призванного дать Индонезии свободу и процветание. Народ верил, что Бунг Карно может исцелять больных. Из уст в уста передавался слух, будто вода, набранная им, поднимала людей со смертного одра. На Бали его считали воплощением Вишну, полагая, что его визиты приносят долгожданный дождь. Как отмечает Б. Колоницкий: «Креативная сила вождя служила подтверждением политической потенции» [20]. Вокруг индонезийского лидера возник специфический микроклимат, атмосфера обожания, поклонения и обожествления. Традицией стало осуществление паломничества к Сукарно. Люди шли к нему за сотни километров только для того, чтобы увидеть его, выразить ему свою любовь и безграничную преданность. Все к чему он прикасался, даже остатки его пищи, объявлялись священными и излучающими благодать» [21. С. 201].

Однако невидимые нити, соединяющие лидера и массы, истончались и лопались. Сукарно становился все более недоступным и отдаленным от народа. Он превращался в мифического героя, полубога, получеловека. И сами индонезийцы уже не понимали, существует ли такой человек – Бунг Карно – на самом деле или это герой индонезийского эпоса новейшего времени. Трещина между лидером и народом стремительно превращалась в пропасть. Вождь и ведомые все более отдалялись друг от друга.

Имидж Сукарно в начале 60-х г. максимально приближается к образу жизни и поведению яванских средневековых монархов. В Джакарте начинается монументальное строительство. Один за другим воздвигаются скульптурно-архитектурные мемориалы, прославляющие вождя революции и его великие судьбоносные деяния. Как отмечает Г.Г. Бондаренко, исследовавший культуру средневековых государств Явы, правители того периода активно использовали культовое строительство с тем, чтобы «концентрированно выразить государственную религиозно-политическую доктрину» [22. С. 6]. Сукарно действовал в русле яванских представлений о власти, соблюдая патриархальные традиции. Он ощущал себя лидером, мессией, монархом-храмостроителем. Он пытался проложить «золотой мост» в модернизи-

рованное будущее патриархальными методами концентрации энергии и опоры на наиболее консервативные, архаичные элементы индонезийской самобытности. Идеализация и абсолютизация самобытности в середине XX в. были утопией и могли привести лишь к одному финалу. Н.А. Симония в монографии «Страны Востока: пути развития» приходит к выводу: «Увлечение “самобытностью”, идеализация традиционных устоев – вот тот коварный “порог”, о который спотыкались и продолжают спотыкаться многие националистические деятели в афро-азиатских странах. Отрицание и капитализма, и коммунизма – возводимое, порой, чуть ли не в величайшее “национальное достоинство” – сплошь да рядом приносит свои горькие плоды» [23. С. 343].

Фундаментом доктрины развития при Сукарно стал, на наш взгляд, девиз: «Назад в будущее». Пытаясь придать ускорение темпам развития Индонезии, он обращался к традициям яванской политической культуры, в основе которой лежал культ обожествления правителя – девапрабху [22. С. 6].

Индонезийская модель при Сукарно по своей природе была средним, промежуточным, буферным вариантом. Это не было теократическое государство, но оно не было и светским. Оно не развивалось по пути капитализма, но отвергала и коммунистические идеалы. По своей форме личность и режим Сукарно носили сакральный характер. Сам лидер выступал в роли Рату Адиля. Его выступления приобретали характер божественных откровений. Лозунги и терминология режима были предельно сакрализированы. Лидер находился над массой. Толпе он дарил иллюзию участия в политике, осуществляемой и проводимой только им самим. Сакральные взаимоотношения лидера и народа очень верно характеризует А.Ю. Другов: «В форме магических акронимов в общественное сознание вводились лозунги дня, создавая впечатление, что стоит осуществить этот лозунг – и наступит долгожданное улучшение жизни» [9. С. 95]. Очередным идеологическим шедевром стал УСДЕК (конституция 1945 г., индонезийский социализм, направляемая демократия, направляемая экономика, индонезийская самобытность).

В сентябре 1961 г. в Белграде проходила конференция Движения неприсоединившихся государств. Сукарно выступал одним из основных креативных архитекторов проекта неприсоединения. На конференции в Бандунге в 1955 г. он активно призывал к солидарности стран Азии и Африки: «Между нами имеются расхождения. Здесь представлены малые и большие страны, народы которых исповедуют почти все существующие на свете религии – буддизм, ислам, христианство, конфуцианство, индуизм, джайнизм, сикхизм, зороастризм, синтоизм и др. Здесь представлены почти все политические направления – демократизм, монархия, теократия... В этом зале фактически представлены все экономические доктрины – мархаэнизм, социализм, капитализм и коммунизм... Но какой вред могут причинить эти различия, если существует единство стремлений?» [10. С. 292–293]. Мессианство Сукарно звучало не только в том, что мархаэнизм упоминался в первую очередь, но в духе

самого выступления, завершающегося фразой: «Братья и сестры, Индонезия – это Азия и Африка в миниатюре» [10. С. 294].

В Бандунге впервые были сформулированы принципы мирного сосуществования государств с различными политическими системами. В апреле 1955 г. «третий» мир предлагал человечеству один из наиболее глобальных проектов XX в. Принципы, обозначенные в Бандунге, значительно обогнали реалии своего времени. Несложно увидеть параллели между Бандунгским кодексом мирного сосуществования и Хельсинскими соглашениями 1975 г. По большому счету, Бандунгские решения являлись маневром «третьего» мира между полюсами биполярной планетарной модели. Бандунг также содействовал укреплению авторитета национальных лидеров (прежде всего – Сукарно) в глазах собственных граждан [24].

К середине 50-х гг. Сукарно уже прочно вошел в плеяду наиболее авторитетных лидеров «третьего» мира. По замечанию А.Ю. Другова и В.А. Тюрина, «авторитет Сукарно внутри страны, ранее несколько аморфный, приобрел более рельефные очертания» [3. С. 176].

Отстаивая принципы неприсоединения, солидарности и национализма, в выступлении в Национальном клубе печати в Вашингтоне в мае 1956 г. Сукарно заявлял о невозможности создания национальных и сверхнациональных образований без использования нации «в качестве фундамента, кирпича и замкового камня» [10. С. 356]. И далее он продолжил: «Мы живем в эру азиатского и африканского национализма... Никакой поток долларов, никакой каскад рублей не изменят этого. Ни доллары, ни рубли ничего не будут значить, если не будет проявлено уважение к национальным устремлениям этих континентов» [10. С. 361].

Однако все вышеизложенные принципы подверглись кардинальной ревизии и пересмотру в сентябре 1961 г. в Белграде. 1 сентября 1961 г. Сукарно изложил свое новое видение международных отношений и глобальной расстановки сил. Он предложил концепцию НЕФО (англ. яз.) – «Новых нарождающихся сил». Сукарно полагал, что в век ядерного оружия конфликт идеократий в рамках биполярного мира может быть решен только мирными методами, а посему он не является основополагающим, поскольку существует баланс сил и априорное понимание финала ядерного столкновения, в котором не будет ни победителей, ни побежденных. Этот конфликт превращается в конфликт второго плана. На первый план выходит конфликт между национально-освободительным движением и империализмом и колониализмом. «Новые нарождающиеся силы», по определению Сукарно, – это социалистические страны и страны «третьего» мира. Причем первым Сукарно отводил подчиненную роль в общей борьбе [18. С. 59]. Сукарно предлагал иной геополитический подход, предлагая рассматривать мир не как поделенный на три лагеря – Восток, Запад и неприсоединившиеся страны, а на два – «старые установившиеся силы» (империализм) и «новые нарождающиеся силы» справедливости и свободы – страны Азии и Африки,

социалистические страны и прогрессивные силы в капиталистических странах [25. С. 213]. Такой подход был весьма опасным и не учитывал значительных противоречий в развитии стран Азии и Африки, замыкая общее подразделение только в рамках геополитики. При этом у Сукарно не существовало какой-либо строгой системы оценки политического курса того или иного государства, в соответствии с которой оно могло претендовать на вхождение в состав НЕФО. Нередко принадлежность того или иного государства к этой категории определялась весьма произвольно, на основании субъективных факторов: симпатией или антипатией, финансовой поддержкой или отказом в предоставлении кредитов Индонезии. Сукарно говорил, что страны, принадлежащие к НЕФО, не спорят до хрипоты об условиях кредитов, в то время как «старые силы» торгуются дни, месяцы, годы [21. С. 216–217].

Внешнеполитические реминисценции Сукарно свидетельствовали о продолжении следования по «третьему пути» развития, поскольку концепция НЕФО не могла не вызывать настороженного недоумения и в США, и в СССР. Сукарно образца 1961 г. претендовал уже не на лидерство в стране и регионе, его амбиции распространялись на мессианство в рамках всего афро-азиатского мира. В этот период один из идеологов доктрины «направляемой демократии» Р. Абдулгани заявлял: «Мы должны помнить, что являемся стомиллионной нацией, то есть в 5 раз больше, чем Филиппины, в 10 раз больше, чем Малайзия. Нам принадлежит руководящая роль» [26. Р. 149].

Следует отметить, что его внешнеполитическая стратегия повторила внутривнутриполитический кульбит, и от неприсоединения («несотрудничества») эволюционировала к конфликту между старыми и новыми силами. Сукарно как лидер физически нуждался в конфликте, поиске внешнего врага, который фактом своего существования оправдывал все внутривнутриполитические проблемы и неудачи режима. Образ внешних враждебных сил подпитывал аккумулятор лидерства Сукарно и позволял ему концентрировать и выплескивать в нужном направлении энергию секти. А.Ю. Другов так характеризует Сукарно образца начала 60-х гг.: «Победоносный вождь и победоносная армия при активной или пассивной поддержке основных политических сил нагнетали атмосферу воинствующего антиимпериализма, формируя идею мессианской роли Индонезии в мировом процессе... Сукарно было уже недостаточно занятых позиций. Правитель не может быть одним из многих или даже нескольких, он может быть единственным и всегда победителем и не в национальном масштабе, а в глобальном» [4. С. 103].

Сукарно более не устраивал образ демократичного Брата Карно, он желал быть великим вождем революции, яванским монархом, перед которым падала ниц вся Индонезия. Расширение жизненного пространства лидерства стало необходимым как кислородная маска. Мессианский идеализм выразился в этот период в предложении придать философии Панча сила глобальный характер, дополнив ее принципами устав ООН [8. С. 25]. Имя героя древнеиндийского эпоса (Бунг-Карно) «Махабхараты», совершившего мно-

жество легендарных подвигов, требовало новой институализации, вбирающей в себя героику прошлого времени, сакральность настоящего и монархические амбиции будущего. Инструментом этой институализации лидерства с одновременной попыткой консолидации нации путем перенесения акцента с проблем внутри страны во внешнеполитическую сферу стали западноиринская проблема и конфликт с Малайзией. Невозможность решить конкретные задачи в области экономики приводили к формированию мифических целей во имя сплочения нации. Сколь бы ни мифологична была задача, если она была доступна массовому сознанию, если ее можно было превратить в конкретную цель, Сукарно делал это. В 1960 г. такой задачей стала борьба за воссоединение с Западным Ирианом. К середине 1962 г. внутривнутриполитическая атмосфера в Индонезии позволяла Сукарно реализовать свои планы относительно Западного Ириана.

В 1961 г. перед правительственными войсками капитулировали мятежники на Суматре, в Аче. В июне 1962 г. сдался лидер движения Дар-уль-ислам на Западной Яве [3. С. 209].

В сентябре 1961 г. Нидерланды внесли на рассмотрение в ООН план по передаче Западного Ириана под опеку ООН на 10 лет, в течение которых эти территории должны были стать суверенным государством – Папуа [27. Р. 182].

В начале 1962 г. Сукарно отдал приказ о всеобщей мобилизации и отправке десанта на Западный Ириан. Начались военные поставки в Индонезию из СССР. В Индонезию прибыли советские военные, которые в случае необходимости могли принять участие в боевых действиях [28].

В целом, везение сопутствовало Сукарно в ходе развития этого конфликта. Нидерланды не были готовы выступить против такого тандема в монорежиме. США не могли поддержать Голландию без ущерба своему имиджу среди развивающихся стран. В итоге начался голландско-индонезийский процесс переговоров. 15 августа 1962 г. было подписано соглашение, по которому Нидерланды передавали управление Западным Ирианом исполнительной администрации ООН, после чего с мая 1963 г. территория переходила под суверенитет Республики Индонезия.

Индонезийское правительство обязалось предоставить населению территории право выбора до конца 1969 г., оставаться в составе Индонезии или покинуть ее [18. С. 54–55]. 1 октября 1962 г. на Западном Ириане был спущен голландский флаг, и территория была передана во временное управление властей ООН [29]. В ноябре голландские войска покинули Западный Ириан [30]. 1 мая 1963 г. состоялась официальная передача этой территории Индонезии.

В результате развития событий правительство Нидерландов выступило с заявлением о том, что в связи с военной угрозой со стороны Индонезии и ввиду отсутствия понимания среди союзников по НАТО вынуждена уступить эту территорию [31. Р. 32].

Поскольку СССР оставался в тени конфликта, а на авансцене политических событий выступал исключительно Сукарно, он и пожинал плоды победы, основательно упрочив свои позиции.

Решение западноирианской проблемы в пользу Индонезии укрепило лидерство Сукарно. Он находился на пике авторитета. Его харизма достигла кульминационной вершины. Однако он не сумел использовать благоприятную социальную атмосферу в своих интересах. Прикрываясь революционной фразеологией, бравирова выскazyваниями о солидарности и независимости, он будто не замечал накапливающихся проблем в экономике, не видел стратификационных изменений, подвижек в массовом сознании. Сукарно «просмотрел» изменение состава своей «аудитории», перед которой он произносил свои революционные и антиимпериалистические речи. В середине 60-х гг. ему приходилось иметь дело не только с поколением своих ровесников. У его соратников подросли дети, которые мыслили иначе и знали о колониализме по рассказам родителей.

Их жизненным приоритетом были уже не абстрактные революционные задачи, а практическое устройство своей повседневной жизни. Массовая культура и потребительские товары попадали в Индонезию с Запада, на практике показывая несостоятельность и неконкурентоспособность режима «направляемой демократии». В изменении системы ценностей значительную роль сыграло появление в стране транзисторных радиоприемников, которые открывали для проникновения информации даже районы, лишенные электричества. В ходе этого произошла трансформация массового сознания индонезийцев. Национализм по прежнему оставался точкой центра массовой психологии, но перестал быть лишь квинтэссенцией идеологических антиимпериалистических реминисценций. Массовое сознание требовало практических шагов по улучшению жизни, изменения вектора, ориентированного на мессианскую фразеологию, на вектор модернизации экономики [4. С. 97–98].

© Воронин С.А., 2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Brackman A. Indonesian Communism. A History. N.-Y., 1963.
- [2] См. подробнее Nasution A.H. Towards Peoples Army. Djakarta, 1964.
- [3] Другов А.Ю., Тюрин В.А. История Индонезии. XX век. М., 2005.
- [4] Другов А.Ю. Индонезия. Политическая культура и политический режим. М., 1997.
- [5] Culture & Politics in Indonesia. Claire H. (Ed.), Ithaca, London, 1972.
- [6] Sukarno. An Autobiography as Told to Cindy Adams. N.-Y., 1965.
- [7] Севортян Н.Э. Исторический опыт жесткой власти (индонезийский пример) // Авторитаризм и демократия в «третьем мире». М., 1991.
- [8] Сумский В.В. Национализм и авторитаризм: Полит.-идеол. процессы в Индонезии, Пакистане и Бангладеш. М.: Наука, 1987.
- [9] Другов А.Ю. Индонезия. Политическая культура и политический режим. М., 1997.

- [10] Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М., 1956.
- [11] *Narian rakjat*. 18.08.1964.
- [12] Пахомова Л.Ф. Поиск пути к справедливому и процветающему государству // Сукарно: политик и личность. М., 2001.
- [13] Алаев Л.Б. История Востока. М., 2007.
- [14] *Financial Times*. L., 19.09.1963.
- [15] Пахомова Л.Ф. Модели процветания. Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия, М., 2007.
- [16] Government Report to the Gotong – Royong House of Representatives on the settlement of Foreign Debts.
- [17] Архипов В.Я. Экономика и экономическая политика Индонезии (1945–1968). М., 1971.
- [18] Другов А.Ю., Резников А.Б. Индонезия в период «направляемой демократии». М., 1969.
- [19] Симония Н.А. Индонезия. М., 1978.
- [20] Колоницкий Б. Сукарно: Легко ли быть независимым // Еженедельник «Дело», СПб. URL: <http://www.ideo.ru/275/31.html>.
- [21] Капица С., Малетин Н.П. Сукарно: политическая биография. М.: Мысль, 1980.
- [22] Бондаренко Г.Г. Культура и идеология средневековых государств Явы. Очерк истории VIII–XV вв. М., 1984.
- [23] Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
- [24] URL: <http://www.ideo.ru/275/31.html>.
- [25] Лончар В. Эра и дело Сукарно // Сукарно: политик и личность. М., 2001.
- [26] Grant B. *Indonesia*. L., N.-Y., 1965. P. 149.
- [27] Nasution A.H. *Sedjarah Prdjungan Nasional dibidang Bersendjata*. Djakarta, 1966.
- [28] *Воин России*. М., 1998. № 4.
- [29] *Правда*. М., 02.10.1962.
- [30] *Правда*. М., 25.11.1962.
- [31] *Newsweek*. N-Y, 27.08.1962.

REFERENCES

- [1] Brackman A. *Indonesian Communism. A History*. N.-Y., 1963.
- [2] See more: Nasution A.H. *Towards Peoples Army*. Djakarta, 1964.
- [3] Drugov A.Ju., Tjurin V.A. *Istorija Indonezii. XX vek [History Indonesia XX century]* М., 2005.
- [4] Drugov A.Ju. *Indonezija. Politicheskaja kul'tura i politicheskij rezhim [Indonesia: Political culture and political regime]*. М., 1997.
- [5] *Culture & Politics in Indonesia*. Claire H. (Ed.), Ithaca, London, 1972.
- [6] Sukarno. *An Autobiography as Told to Cindy Adams*. N.-Y., 1965.
- [7] Sevortjan N.Je. *Istoricheskij opyt zhestkoj vlasti (indonezijskij primer) // Avtoritarizm i demokratija v «tret'em mire» [The historical experience of hard power (Indonesian example) // Authoritarianism and Democracy in the "third world"]*. М., 1991.
- [8] Sumskij V.V. *Nacionalizm i avtoritarizm: Polit.-ideol. processy v Indonezii, Pakistane i Bangladesh [Nationalism and authoritarianism: Polititical and ideol. processes in Indonesia, Pakistan and Bangladesh]*. М.: Nauka, 1987.

- [9] Drugov A.Ju. Indonezija. Politicheskaja kul'tura i politicheskij rezhim [Indonesia: Political culture and political regime]. M., 1997.
- [10] Sukarno. Indonezija obvinjaet. Sbornik statej i rechej [Indonesia blames. Collection of articles and speeches]. M., 1956.
- [11] Harian rakjat. 18.08.1964.
- [12] Pahomova L.F. Poisk puti k spravedlivomu i procvetajushhemu gosudarstvu // Sukarno: politik i lichnost' [Finding the way to a just and prosperous nation // Sukarno: politician and personality]. M., 2001.
- [13] Alaev L.B. Istorija Vostoka [Oriental History]. M., 2007.
- [14] Financial Times. L., 19.09.1963.
- [15] Pahomova L.F. Modeli procvetanija. Singapur, Malajzija, Tailand, Indonezija [Models prosperity. Singapore, Malaysia, Thailand, Indonesia]. M., 2007.
- [16] Government Report to the Gotong – Royong House of Representatives on the settlement of Foreign Debts.
- [17] Arhipov V.Ja. Jekonomika i jekonomicheskaja politika Indonezii (1945–1968) [Economy and Economic Policy of Indonesia]. M., 1971.
- [18] Drugov A.Ju., Reznikov A.B. Indonezija v period «napravljajemoj demokratii» [Indonesia in the period of “guided democracy”]. M., 1969.
- [19] Simonija N.A. Indonezija. M., 1978.
- [20] Kolonickij B. Sukarno: Legko li byt' nezavisimym [Sukarno: Is it easy to be independent] // Ezhenedel'nik «Delo». SPb. URL: <http://www.ideo.ru/275/31.html>.
- [21] Kapica S., Maletin N.P. Sukarno: politicheskaja biografija. M.: Mysl', 1980.
- [22] Bondarenko G.G. Kul'tura i ideologija srednevekovyh gosudarstv Javy. Oчерк istorii VIII–HV vv. [Culture and ideology of the medieval states of Java. Essay on the history of centuries VIII–XVII]. M., 1984.
- [23] Simonija N.A. Strany Vostoka: puti razvitija [Oriental Countries: Ways of Development]. M., 1975.
- [24] URL: <http://www.ideo.ru/275/31.html>.
- [25] Lonchar V. Jera i delo Sukarno // Sukarno: politik i lichnost' [The era and the matter of Sukarno // Sukarno: policies and personality]. M., 2001.
- [26] Grant B. Indonesia. L., N.-Y., 1965. P. 149.
- [27] Nasution A.H. Sedjarah Prdjungan Nasional dibidang Bersendjata. Djakarta, 1966.
- [28] Voin Rossii [Russian Soldier]. M., 1998. № 4.
- [29] Pravda. M., 02.10.1962.
- [30] Pravda. M., 25.11.1962.
- [31] Newsweek. N.-Y., 27.08.1962.

**REGIME OF “GUIDED DEMOCRACY”.
ON THE ISSUE OF THE FORMATION
OF THE IDEOLOGY OF THE “THIRD POSITION”
IN INDONESIA**

S. Voronin

Department of World History
Peoples` Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay St., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The author reveals the basic provisions of the ideology of the “Third Position” in the Indonesian political leadership model. By the end of the 50's Sukarno completed the formation of the doctrine of the “Third Position”. Analyzing the current political model, Sukarno appealed to the identity, rejecting capitalism that generates colonialism and fascism. He rejected, first of all, the very psychological foundation of liberal capitalism – individualism, the guiding to the competition and struggle, and therefore unacceptable to Indonesia concept of “Third Position”. Sukarno meant building a socio-economic model of traditional, patriarchal and egalitarian society based on the principle of community solidarity and mutual assistance. The main element of the social model, according to Sukarno thought, was the family as the center of solidarity, led by the patriarch, the head of the family. The principle of family has been moved Sukarno all Indonesian society. Sukarno became “father of the nation”.

Key words: Sukarno, Indonesia, solidarism, political leadership